

Валерий Черных

*О счастье жить
в стране развитого...*

16+

Валерий Черных

**О счастье жить в
стране развитого...**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Черных В.

О счастье жить в стране развитого... / В. Черных — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Представитель последнего воспитанного при советской власти поколения, журналист по образованию, а по призванию писатель, Алик Кольцов смотрит на жизнь в стране развитого социализма без розовых очков. Идеалы коммунизма попораны, общественное сознание сверху донизу пропитано лицемерием, дурацкие законы вынуждают граждан изворачиваться, искать окольные пути. Но у Алика есть друзья и любовь — а это главное. Конец перестройки в СССР открывает новые возможности, и вместе с друзьями Кольцов окунается в дебри опасной коммерции. Ради своей любимой он готов на многое – но способен ли наступить на горло собственной песне?

Валерий Черных

О счастье жить в стране развитого...

Легкий ветерок гнал по водной глади озера серебристые чешуйки мелкой зыби. С востока над зубчатой грядой прибрежных елей появилась тонкая полоска света. Она медленно ширилась, постепенно приобретая золотисто-розовый цвет. Еще немного – и весь восток окрасился в яркий багрянец. Зарождался новый день. Неподалеку от береговой отмели, тупым углом выдающейся в озеро, болталась одинокая лодка. На корме виднелась фигура человека с удочкой в руке, напряженно застывшего в ожидании поклёвки.

– Александр Петро-о-ови-и-ич! – разорвал утреннюю тишину громкий крик.

Сидящий в лодке мужчина средних лет слегка вздрогнул и обернулся. Он приложил ладонь ко лбу козырьком и несколько секунд вглядывался в сторону берега, затем опустил руку и начал сматывать удочку. Через минуту рыбак подгрёб к берегу.

– Чего кричишь, Люба? Ты мне всю рыбу распугала.

Женщина охнула, энергично всплеснула руками и затараторила:

– Какая рыба, Александр Петрович! Мила родила, наконец! Мальчика! Столько часов мучилась, бедная!

Мужчина застыл на секунду, с необычной для его возраста легкостью выпрыгнул на берег и размашисто перекрестился, затем потянул на себя лодку, вытаскивая её нос на отмель. Подтянутый, худощавый, с едва заметной сединой на висках, он двигался без спешки, но четко, как вполне уверенный в себе человек.

– Почему не позвонили? – буркнул он недовольно.

– Так вы телефон дома оставили!

Александр Петрович похлопал себя по карманам и виновато улыбнулся. Люба достала из кармана куртки мобильник и протянула. Он взял аппарат и, слегка прищурив глаза, набрал номер.

– Привет... Конечно, в курсе... Да не ори ты, Артем! Не о-ри!.. Спасибо, и я тебя поздравляю... Конечно приеду.

Он сунул в карман телефон и на миг застыл, задумавшись. Известный писатель, лауреат всевозможных премий, директор частного Литературного фонда, он неожиданно осознал, что все его регалии, успех и благосостояние – ничто по сравнению с рождением новой жизни, рождением его внука и наследника. В эту ночь он так и не смог сомкнуть глаз. У невестки к полуночи начались схватки и сын увез её в роддом. Когда под утро его жена, устав от ожидания, забылась тревожным сном, он, чтобы как-то отвлечься, взял удочку и отправился на озеро. В последнее время он пристрастился к этому занятию – оно давало возможность спокойно размышлять среди скромной тишины подмосковной природы.

Александр Петрович привязал лодку, глянул в лицо горничной, будто хотел что-то спросить, потом махнул рукой и быстрым шагом направился к своему дому. Люда, едва поспевая, бросилась за ним вслед. На крыльце, кутаясь в вязанную шаль, его встречала супруга. Он поднялся по ступеням, нежно обнял её, едва коснулся губами губ и вдохнул родной запах любимой женщины.

– Поздравляю, любимая.

– И я тебя.

Она прижалась, спрятала лицо у него на груди, и он ощутил, как часто бьется ее сердце.

– Не могу поверить, что я – бабушка. Как-то странно звучит это слово, когда оно относится к тебе.

Александр Петрович нежно провел ладонью по волосам супруги и, придерживая за плечи, повел ее в дом.

Несколько элитных иномарок выстроились в ряд перед районным перинатальным центром. Возле машин, в ожидании, весело переговаривались родственники новоиспеченных родителей. Все поздравляли бледного после бессонной ночи высокого молодого парня в дорогом, но слегка помятом костюме. Он рассеянно благодарил усталым голосом, несколько смущенный повышенным вниманием к своей персоне. Его отец обнимался со своим другом Артемом Валентиновичем, известным московским банкиром и по совместительству сватом. Когда два года назад их дети выразили желание пожениться, оба они были приятно удивлены тем, что их многолетняя дружба укрепляется родственной связью. Рядом стояли три женщины, которые пытались расспрашивать молодого папашу о каких-то медицинских подробностях, но тот только разводил руками и морщился. Парня спасло шампанское: торжественно отсалютовав негромким хлопком, оно, пузырясь, растеклось по бокалам.

– Ура-а-а! – рявкнул банкир, и, не отрываясь, выпил игристый напиток до дна.

Лица всех присутствующих на импровизированном банкете осветились улыбками радости.

– Кира, а где Серега? Ему сообщили? – вдруг всполошился Артем Валентинович.

Супруга Александра Петровича успокаивающе похлопала его по рукаву пиджака.

– Конечно. Они со Светой ждут нас в своем ресторане через два часа.

– Тогда давайте малыша посмотрим – и вперед!

– Нет, нет! – остудил его пыл отец новорожденного. – Мила спит, так что все смотрины откладываются. Успеете еще.

Банкир неожиданно размахнулся, грохнул свой бокал об асфальт и громко выкрикнул:

– На счастье!

Вслед за первым под ноги полетели остальные бокалы, рассыпаясь мелкими, искрящимися на солнце стеклянными брызгами. И так же сверкала жизнь в глазах этих людей, объединенных безмерным счастьем.

Не мы решаем, в какой стране родиться, кто будет качать колыбель, кто выведет нас на дорогу длиною в жизнь и помашет на прощание рукой. Только вот идти по этой дороге придется самим. Идти или ползти, а может, бежать вприпрыжку, весело размахивая руками... Это зависит от нас, и только мы, сами, выбираем свою судьбу.

Алик.

Когда Алик был маленьким, весь мир умещался в его большом дворе. Там было все, что нужно для счастья: огромные фруктовые деревья, заросли малины, где можно отлично спрятаться, и большой деревянный сарай со всяким хламом. Чего только не было в этом сарае: два пыльных велосипеда со спущенными шинами, стопка старых чемоданов, верстак с развешанными над ним инструментами... Инструменты остались от отца. Он умер неожиданно, и иногда снился сыну – сильный, веселый, и, главное, живой.

Алик любил затаиться внутри этой старой деревянной постройки и наблюдать через неплотно пригнанные доски за тем, что происходит во дворе. А иногда ему казалось, что из темного угла, где свален всякий ненужный хлам, вот-вот появятся герои его любимых сказок, которые читала на ночь мама. Когда Алик сам научился читать, ему открылся огромный новый мир. И его собственный мирок, ограниченный двором, бесконечно расширился: в нем умещались бурные моря, далекие континенты и неизведанные галактики, там, как по волшебству,

могли исполняться самые фантастические мечты. А еще в этом мире можно было укрыться от любых невзгод и огорчений.

Потом была школа, новые друзья, новые впечатления и новые заботы. Только многое не нравилось ему в этой кутерьме. Учиться оказалось откровенно скучно. Алик, практически единственный в классе, довольно бегло читал, умел писать, считать и делать простые действия с числами. Многое из того, что рассказывала учительница, он уже знал из прочитанных книг, и тупость одноклассников наводила на него тоску. Первое время он изо всех сил тянул руку, пытаясь похвастать своими знаниями. Когда его не спрашивали, выкрикивал с места – и его ругали. В конце концов, стали просто ставить в угол. Стоять в углу было не просто стыдно, его выворачивало от вопиющей несправедливости. Глотая невыплаканные слезы в этом углу, Алик начал понимать: что-то в этом мире не так, в нем присутствует какая-то червоточина. Постепенно он возненавидел свою учительницу и всех одноклассников. Разочарование, отчаяние и безудержная злость сменяли друг друга. И все же он почти смирился: может, это нормально, и глупо ждать, будто что-то изменится?

А в День Советской Армии, когда по традиции мальчикам дарили подарки, случился небольшой скандал: большинство девочек поздравили его, а добрая половина мальчишек остались ни с чем. Как доволен и горд был Алик, возвращаясь домой! Даже то, что несколько подарков учительница все-таки передала обделенным вниманием, не могло испортить ему праздничное настроение. Только мама, явно не разделяя его восторгов, грустно качала головой весь вечер. Усвоив жизненные уроки, она не ждала ничего хорошего от такого повышенного внимания девочек к своему сыну. А он в этот день чувствовал себя победителем.

Почти сразу после праздника начались проблемы со одноклассниками. Мальчишки постоянно дразнили его, а он не собирался терпеть и начал драться с обидчиками. Драки случались почти каждый день, и Алику было не важно, сколько перед ним противников – он бился до последнего. Устав от жалоб родителей, директор вызвал в школу маму. Он во всем обвинял Алика и никаких доводов в пользу его невиновности слушать не желал. Вернувшись домой, мама страшно ругала сына, плакала и ругала. Алик был в шоке от несправедливых обвинений: ведь не он затевал эти драки, а мальчишки нажаловались на него. Как люди могут быть такими подлыми?

Но этот неприятный случай имел счастливое продолжение. Алика перевели в другую школу, новую, современную, и он вдруг обнаружил, что в мире есть нормальные учителя и дети, которые знают не меньше его. И хотя учеба все равно не доставляла удовольствия – это было уже второстепенно. На первый план вышли взаимоотношения с товарищами. По уровню развития эти ребята были с ним наравне, и он влился в коллектив без особых проблем. В старой школе он был почти изгоем и уже начинало казаться, что его удел – одиночество. Здесь все сложилось по-другому. Может, потому, что Алик не стал выпячиваться, а может потому, что не ушел от драки, навязанной ему Саней Кисловым, признанным авторитетом класса. В один из первых дней, после уроков, они бились на заднем дворе школы до кровавых соплей – но в итоге никто не смог назвать себя победителем. Потом они стали лучшими друзьями и дрались уже вместе, доказывая свое право на лидерство не только в классе. Дружба связала их на долгие годы, пока Сашка не погиб в Афгане.

Алик немного выделялся на общем фоне своим интеллектом, но это было не слишком заметно и не вызывало отторжения у одноклассников. И девчонки уже не так явно выражали свои симпатии, хотя он чувствовал повышенное внимание к своей персоне. Но все же самыми большими друзьями для Алика оставались книги. Правда, теперь он не прятался в выдуманном книжном мире от реальности – просто чтение доставляло ему огромную радость и безмерное удовольствие.

Школьные годы промелькнули как один день, оставив после себя лишь смутные тени впечатлений. Мама всегда мечтала, чтобы сын учился в Москве. Алик не стал спорить, и без особых усилий поступил в МГУ на факультет журналистики.

Интерьер бара напоминал антураж из французских боевиков. Плавающие лучи цветных прожекторов выхватывали из полумрака лица сидящих в зале людей. Освещенные лишь на мгновение, они казались бледными и неживыми, как маски персонажей в кукольном театре.

Черные колонки изрыгали тяжелый рок на такой громкости, что даже сидящего напротив человека было трудно расслышать. И если русскую речь Алик еще как-то разбирал по губам собеседника, то, когда говорили на английском, не понимал ничего, хотя общался на нем довольно сносно. Наконец, не выдержав буханья басов, устроившийся рядом с колонками пожилой иностранец поднялся с места и подошел к барной стойке. Несколько слов бармену – и музыка стала тише.

Какой-то волонтер из Америки спорил с Артемом, и практически на чистом русском пытался что-то доказать ему. Алик прислушался.

– Как вы можете так жить? – громко удивлялся американец.

Вначале Алик не понял, что возмущает иностранца, а тот продолжал брызгать слюной и пьяно махать руками, объясняя свои претензии:

– В магазинах пусто. Сплошной дефицит. Жрать нечего! А одеты вы как?

Алик обвел удивленным взглядом стол перед собой – он просто ломился от всевозможных деликатесов. Потом внимательно осмотрел прикид сидящих рядом соотечественников. Артем тоже указал на стол рукой и что-то коротко возразил америкосу. Однако волонтер распалился еще больше.

– Это? – парень вперил взгляд в жратву на столе. – Здесь – да! А в магазинах у вас... Да в моей стране даже на помойке продукты получше.

Отчасти Алик был готов согласиться с пьяным фирмачом. Со жратвой в магазинах было туго, а со шмотьем – вообще беда. Если бы не фарцовщики и всякого рода спекулянты, он бы тоже носил штаны фабрики «Большевичка» и выглядел весьма убого. Алик признавал, что и со всем остальным – тоже завал, однако готов был грудью встать на защиту Родины. Хрен с ними, с джинсами, насрать на рок-музыку и Голливуд. Даешь лучшие в мире танки, ракеты и балет!

Он открыл было рот, чтобы выдать волонтеру, а заодно и всем мировым буржуйам – но передумал. В голове приятно шумело и не хотелось напрягаться, портить себе кайф.

– Я бы так не жил! – объявил америкос и замолчал, обводя горящим взглядом собеседников.

– И что бы ты сделал? Повесился? – хихикнул сидящий напротив Артема белобрысый прыщавый хлюст по фамилии Кузнецов. Это он провел двух приятелей в закрытое для советских граждан заведение.

Иностранец, не задумываясь ни секунды, огорошил друзей, пьяно выговаривая русские слова:

– Я бы пошел и застрелил прэзидента!

Все моментально заткнулись. Против такого аргумента крыть было нечем. Прыщавый начал трусливо озираться и через минуту слинял в туалет. Больше в тот вечер его за столом не видели.

Эту ночь Алик и Артем провели в кутузке. Их забрали прямо у гостиницы. Едва они, слегка покачиваясь, спустились со ступенек, двое крепких сержантов грубо упаковали друзей в милицейский «газик». Причины задержания никто не объяснял, но им и без объяснений было все понятно. Пьяных по городу собирали пачками, особенно старались в дни аванса или получки, когда карманы подвыпивших граждан были полны денег. Ну а если ты еще и выглядел прилично, то шансы провести ночь в вытрезвителе увеличивались многократно.

Со стороны могло показаться несколько странным, что их привезли в отделение, а не в вытрезвитель, но ребята не очень переживали. Отцу Артема, довольно высокопоставленному чиновнику МИДа, уже приходилось вытаскивать их из различных передраг. Вот только на этот раз Артему не дали позвонить отцу, и пришлось ребятам ночевать на загаженном деревянном помосте. Ближе к вечеру следующего дня Артема вызывали на допрос и в камеру он больше не вернулся. К тому времени, когда пришла очередь Алика, он уже успел порядком разозлиться, и прямо с порога едва не нахамил подтянутому следователю в черном строгом костюме. Однако наткнувшись на неприятный, пронизывающий насквозь взгляд, смолчал, и плюхнулся на предложенный стул. Человек за столом был предельно вежлив и корректен, что вызвало у Алика недоумение. А первый же заданный вопрос просто ввел в ступор.

– Так с кем вы собирались стрелять в президента?

После тяжелой и почти бессонной ночи голова работала в замедленном режиме и Алик не сразу сообразил, о чем вообще идет речь.

– Кого... стрелять?.. – после паузы едва выдавил он.

– Александр Петрович Кольцов, – задумчиво прочитал следователь, глядя в студенческий билет, который держал в руке.

– Д-да, – неуверенным тоном подтвердил парень.

– Почему же вас называют Алик? Кличка?

– Нет. Просто сокращенно от Александр. Маме нравилось так меня звать.

Сидящий за столом человек закрыл синюю книжечку, нервно постучал по ней пальцами, поднялся с места и подошел к арестанту вплотную.

– Ну так что по поводу покушения на президента?

До Алика наконец дошло, что перед ним сотрудник КГБ, и он слегка поежился. И далее больше получаса кэзгээшник мурыжил его вопросами, упорно пытаясь выяснить подробности вчерашней беседы с гражданами США, и лично его, Алика, намерение сотрудничать с ЦРУ. Если бы не серьезный тон разговора, Алик мог бы подумать, что кто-то решил разыграть с ним дурную шутку. С его точки зрения, вопросы казались глупыми, а обвинения надуманными и нелогичными. Довольно скоро он чувствовал себя, как выжатый лимон, и в ответ на вопросы лишь мычал что-то нечленораздельное. Алик уже представил холодную сталь наручников на своих запястьях и нарисовал в воображении картину: он, в арестантском вагоне, едет отбывать срок на Колыму...

И вдруг допрос закончился. Следователь – или кем он там являлся на самом деле – устало откинулся в кресле и неожиданно заявил:

– Имел удовольствие читать некоторые из ваших опусов. Те, что в газете напечатаны, очень недурны. Остро, зло и прямо в десятку. А вот те, которые вы иногда читаете своим приятелям... прямо скажу, не вызывают положительных эмоций. Это пахнет поклепом на нашу с вами Советскую Родину, на нашу жизнь. Вы же комсомолец, Кольцов. Подумайте хорошенько, куда это все может вас привести? Сейчас вы просто пишете пасквилы, читаете их в узком кругу. Потом обратитесь к самиздату, а дальше что?.. Прощай, университет, прощай, свобода... Подумайте о своем будущем, о своей маме. Не стоит ее огорчать. Согласны?

Алик замер с открытым от удивления ртом. В самом страшном сне он не мог представить, что его скромной персоной интересуются органы. Два последних года он сотрудничал с Московской районной газетой, куда устроился по протекции профессора с факультета. В основном поручали писать фельетоны, и он отрывался по полной. Платили неплохо, к тому же Алику самому доставляло огромное удовольствие разоблачать негативные явления общественной жизни. На публикации приходили отклики: зачастую хвалебные, но иногда с угрозами, и последнее он считал высшей оценкой своего творчества. Значит, дошло до тех, кого он клеймил, значит – проняло. Публикации выходили под псевдонимом «Алик Круглый», и ему казалось, кроме редактора никому не известно о его авторстве. А что касается тех произведе-

ний, которые не вызвали положительных эмоций у сидящего напротив человека – они вообще были сокровенной тайной. Эти рассказы он читал только самым близким, самым доверенным друзьям, и то не часто. И хотя в них он никого не обличал, не кричал о тупости и никчемности системы (в чем сам был уверен на все сто), но жизнь простых советских людей была изображена им достаточно правдиво и отнюдь не в радужных тонах. Никак и нигде этот товарищ не мог прочесть его рассказы – Алик никому их в руки не давал. Значит, содержание «опусов», как выразился этот тип, ему кто-то довольно подробно пересказал.

Алик никак не отреагировал на слова о своей писательской деятельности. Тупо уставившись в пол и чувствуя пристальный взгляд сотрудника, он прикидывал, как должен отвечать на поставленный вопрос. Наконец оторвал глаза от затертого линолеума и согласно кивнул. Тип в черном костюме тут же поднял трубку телефона и пригласил кого-то. Через минуту в кабинет вошел отец Артема. Едва он поздоровался, Алика отправили в коридор, где на стуле уже сидел его друг. Ребята переглянулись, но обмениваться комментариями не стали. Артем только провел ребром ладони по горлу и состроил дурацкую рожу. Его отец пробыл в кабинете недолго, а когда вышел, жестом приказал ребятам следовать за ним.

– Вы как там вообще оказались? – спокойно поинтересовался он, когда все трое оказались на улице.

– Нас Кузнецов пригласил, – пояснил Артем.

– Два идиота. Ваш Кузнецов или штатный провокатор, или просто подонок. Тебя подвезти? – предложил он Алику.

– Спасибо, мне недалеко.

– Про то, что здесь произошло – забудьте, и никому не рассказывайте. Я договорился, по месту учебы не сообщат. В принципе, вы ничего не успели противозаконного наговорить, а эти американцы – члены антивоенной организации. Они здесь по приглашению МИДа. Так что... А вообще-то, и статью такую с месяц назад отменили.

– Какую статью? – не понял Артем.

– Семидесятую. «Антисоветская агитация и пропаганда».

Отец Артема не стал вдаваться в подробности, просто обреченно махнул рукой и, подталкивая впереди себя сына, двинулся к припаркованной неподалеку машине. Алик постоял немного, глядя им вслед, развернулся и поковылял в сторону общаги. Единственным его желанием на данный момент было залезть под душ, а после завалиться спать. Однако на вахте его ожидал сюрприз. Злая как черт комендантша общежития преградила путь и заорала благим матом:

– Кольцов! Ты где шляешься?!

Усталость и полусонное состояние мгновенно улетучились. Состроив смиренно-виноватую гримасу, Алик замер по стойке смирно перед грозной фурией. Дело в том, что это было общежитие чужого ВУЗа и Алик пристроился в него совершенно случайно. На первом курсе ему не удалось получить жилье от университета, а мама и слышать не хотела о возможном возвращении сына домой. Она готова была работать в три, в четыре смены, только бы иметь возможность гордо отвечать на вопрос о месте учебы сына: «МГУ». В ее устах эти буквы звучали торжественно и немного надменно. Первые три месяца Алик снимал комнату в районе Шлюзовой набережной за баснословные для него деньги: цены на жилье в Москве не просто кусались, они сжирали студенческий бюджет целиком, и если бы не мамина помощь... Но неожиданно проблема решилась. Как-то к нему подошла девочка с параллельного потока и просто спросила:

– Тебе нужно общежитие?

– Да, – прохрипел обалдевший юноша.

Девушка оказалась племянницей комендантши общежития технического ВУЗа, и вот уже три года Алик периодически писал за нее рефераты и курсовые работы. Люда была не то чтобы тупая, но жутко хитрая и ленивая.

Как же он мог забыть, что вчера был последний срок сдачи реферата по журналистике, а это значит, что племяшка Зои Федоровны попала на заметку одному из самых зловредных преподавателей университета. Алик даже не пытался успокоить разъяренную комендантшу – по опыту знал, что это бесполезно.

– Я тебя выселяю! – проорала Зоя Федоровна.

Скроив на всякий случай страдальческую физиономию, Алик покорно побрел под ее конвоем в свою комнату, собирать вещи. Вопрос с выселением его не очень волновал, не первый раз такое случалось. Через несколько дней комендантша успокоится, и он снова окажется в привычной обстановке. А пока... Пока найдется, где приклонить голову. Чего-чего – а друзей у Алика было предостаточно.

Не успел смолкнуть хрипло дребезжащий звонок, как за обшарпанной дверью лязгнул тяжелый засов. Алик вздрогнул и слегка поежился от возникшей ассоциации с местом, где они с Артемом провели чуть не целые сутки.

– А, это ты? Заходи, дорогой друг Карлсон!

Моня любил подхватывать словечки и фразы из фильмов, и ловко вставлял их в свою речь.

– Скажи, Моня, на хрена тебе такой засов на дерматиновой двери? Я ее одним ударом ноги пополам сломаю.

Хозяин квартиры затянулся сигаретой и выпустил дым Алику в лицо.

– Так это хата моей бабули. Побаивалась старушка, вот и прилепила мощный засов. Главное – замок, а что дверь говно – не важно, – рассудительно заявил Моня. – Типа плацебо. Не лечит, но на душе как-то спокойнее.

Хлопнув по протянутой ладони хозяина, Алик прошел в комнату. Мебель в ней практически отсутствовала: лишь пара стульев и огромный разложенный диван. Диван Моня не складывал намеренно – ему казалось, так он привлекает удачу. Под удачей понималось заманить к себе очередную «мадам», поэтому диван всегда должен находиться в боевой готовности.

Алик швырнул на диван свою сумку и с размаху плюхнулся рядом с ней. Ложе приветственно скрипнуло, и этот звук разбудил воспоминания о весьма приятных часах, проведенных в этой комнате. Алик вздохнул, поднялся и подошел к окну, на котором болтались непонятного цвета шторы. За черным стеклом по проспекту спешили автомобили с включенными фарами. Поток машин в темноте приковывал взгляд, завораживал. Говорят, можно часами смотреть на огонь – но движущаяся внизу автомобильная река также не отпускала, не давала отвести глаз. Наконец он вернулся к дивану, открыл сумку и начал перебирать свое барахло. Достал трусы, футболку и джинсы. Джинсы не американские – сделано в ГДР, гласила надпись на этикетке, плюс ко всему еще и черного цвета. Поэтому после покупки Алик с помощью подручных средств довел их до довольно потертого вида – а это уже считалось шиком.

Сбросив с себя пропахшие камерой вещи, он прошел в ванную комнату, быстро сполоснулся, вытерся насухо свежим полотенцем и оделся в чистое.

На кухне Моня лудил дорожки очередной печатной платы. По мнению Алика, в этом он был просто гений: чинил любую электронику – не важно, в какой стране и какой фирмой она выпущена, а также лепил из подручных средств цветомузыку, усилители и прочую тряхомудию для расплодившихся рок-групп. Даже хвастался, что знаком с Кузьминым, и в доказательство предъявлял кассету, на которой под словами: «Моня, спасибо!» стояла размашистая подпись популярного музыканта. Заказов у Сереги Монины было валом и он жил довольно безбедно, однако тратил деньги беспечно. Его мать работала проводницей и появлялась в квартире

сына нечасто. Как правило, во время своих посещений она устраивала генеральную уборку, чем доводила парня до белого каления, однако спорить с ней он не решался. Родительница имела твердый характер и столь же твердую руку, чем, в случае каких-либо возражений, пользовалась без промедления. Визиты мамы имели плюс: в квартире появлялась нормальная еда – правда, друзья Мони уничтожали ее в течении суток.

Судя по захламленности кухни и пустому холодильнику, мама была в дальней поездке, и сын жил на подножном корму. А на пыль и грязь он никогда не обращал внимания.

Алик немного постоял у двери и предложил:

– Давай собеседниц позовем...

Ему самому не нужен был праздник, просто он хотел отблагодарить друга. Тот заметно оживился, тут же с готовностью пристроил паяльник на заляпанную канифолью подставку и вылез из-за стола.

– Давай!

Моня быстро рванул в прихожую к телефону, но Алик тормознул резвого друга.

– Только условие: без фанатизма и милиции, тихо и пристойно.

Друг послушно закивал головой. Он был согласен на все, понимая, что просто так не заманит к себе девушек, но если скажет, что приглашает Алик, сразу сбежится не менее трех-четырёх красоток, и ему тоже перепадёт. В университете Кольцов был личностью популярной. Он неплохо пел и играл на гитаре, рассказывал истории – как собственного, так и чужого сочинения, – травил анекдоты. Он любил быть в центре внимания, и, что называется, умел держать аудиторию.

Решив, что до прихода девчонок есть время заняться своим гардеробом, Алик отволок сумку в ванную, вывалил грязные шмотки в эмалированный таз, залил их водой и насыпал порошка.

– Моня, надо пошла купить, – крикнул он в сторону прихожей. – Деньги есть?

Тот мгновенно появился в проеме двери.

– Есть. А сколько брать?

Алик, не очень охочий до выпивки, пожал плечами.

– На меня можешь не рассчитывать – так, чисто символически. Сколько чувихам, сам решай.

Моня, уже переодетый в джинсы, сунул руку в карман и вытащил горсть мятых бумажек. Быстро пересчитал их, попутно расправляя купюры, и подвел итог:

– Хватит упиться.

Затем он глянул в зеркало, пригладил ладонями торчащие во все стороны волосы и выскользнул за дверь. Алик немного послонялся из угла в угол со скучающим видом и завис в прихожей над телефоном. После некоторых колебаний он поднял трубку, набрал номер, а когда ему ответили, вежливо поинтересовался:

– Добрый вечер, а Киру можно пригласить к телефону?

Когда они познакомились, Кире только что исполнилось восемнадцать, и она искала подходящую кандидатуру на роль своего первого мужчины. В девушке еще сохранялись некоторая подростковая угловатость и застенчивость, что странно сочеталось с диким желанием познать все прелести взрослой жизни – как будто ее поезд вот-вот уйдет и нужно успеть запрыгнуть в последний вагон. Алик не мог себе объяснить, чем эта девушка-подросток привлекла его, но они провели вместе весь вечер, а затем и ночь. В итоге он походя лишил ее девственности, особо не заморачиваясь на какие-либо прелюдии. После той мимолетной встречи они не виделись почти год. Кира училась в институте иностранных языков и возможность пересечься с ней практически равнялась нулю. Когда они вновь столкнулись на каком-то дне рождения, Алик уже успел забыть лицо случайной знакомой и не узнал ее. Но Кира абсолютно не расстроилась по этому поводу.

За это время из подростка вылупилась довольно сексапильная девушка с красивым лицом и стройной фигурой. Алика немного коробило, что Кира практически не выпускала сигарету изо рта и взяла привычку перемежать речь матом. И снова они были вместе до утра. Алику все понравилось, если не считать того, что пришлось полночи слушать Ахматову в заунывном Кирином исполнении. К поэзии он был равнодушен – рифмованные строки, не положенные на музыку, вызывали у него откровенную скуку. Кира же напротив, зачитывалась сборниками стихов, просто фанатела от них. Несмотря на некоторые различия во вкусах и привязанностях, им было хорошо вдвоем – хотя вряд ли их можно было назвать парой. Они не ходили в кино и кафе, не проводили вместе время на вечеринках. Встречаясь периодически, страстно занимались любовью, общались и вновь пропадали из вида до следующего раза. Однако время шло, и Алик с удивлением начинал понимать, что Кира стала ему самым близким человеком после мамы.

Кира была красива, к тому же из состоятельной профессорской семьи, и многие сокурсники западали на нее, но девушка упорно отметала ухаживания. Алик лишь однажды был у нее дома – когда отмечали двадцатый день рождения Киры. Желая проветриться, он вышел из комнаты на просторный балкон, вторая дверь которого вела на кухню, и там, оставаясь невидимым в темноте, случайно подслушал разговор Киры с матерью.

– Кто этот юноша?

– Знакомый, – небрежно ответила дочь.

– Красив, как Аполлон.

– И знает об этом, – вздохнула девушка. – А еще он жутко талантливый.

– Ты любишь его?

– Это неважно. Важно, кого любит он, – немного грустно усмехнулась Кира.

Мать бросила на дочь сочувствующий взгляд, но продолжать расспросы не стала. Отчего-то Алика этот разговор напугал, и в тот вечер он постарался побыстрее слиться из профессорского дома.

В квартиру Монины Кира приехала через час, когда в комнате уже стоял дым коромыслом. Три студентки университета, разогретые портвейном, практически не переставая хихикали над сальными шуточками Мони. Алик лениво перебирал струны расстроенной гитары, перемежая пустое брнчание песнями собственного сочинения. Хотя песнями это можно было назвать лишь с натяжкой. Он писал их довольно просто, выстраивая в звукоряд несколько аккордов, которые выучил еще в далеком детстве. Получались незамысловатые мелодии, под которые сами собой рождались строки стихов, почти всегда про несчастную любовь. Иногда выходило неплохо. Недавно он с удивлением обнаружил, что некоторые из его творений благополучно ушли в народ и исполнялись студенческими бардами в общагах.

Увидев Киру, с иронической улыбкой застывшую в проеме двери, Алик с удовольствием отложил в сторону инструмент. Оставив веселую компанию, они удалились на кухню. Кира сварила кофе, поставила на стол две чашки с ароматным напитком и устроилась напротив Алика.

– Ты по-прежнему популярен, хотя выглядишь каким-то замученным.

– Мы с Артемом почти сутки в застенках провели, – гордо поведал Алик.

Кира никак не отреагировала. Это случилось не впервые, и она считала, что событие не стоит повышенного внимания. Однако поинтересовалась:

– Артемовский папашка вытащил?

Алик, немного обиженный ее равнодушием, просто кивнул. И тут из прихожей раздались, догоняя друг друга, три коротких звонка. Моня не торопился открывать, видимо, не силах оторваться от своих гостей, и Алик нехотя поднялся со стула. Немного повозившись с мощным неподатливым засовом, он распахнул дверь и удивленно крикнул: на пороге стоял

Артем. Удивило не появление друга, а его почти заплывший левый глаз, украшенный ярко-лиловым синяком.

– Привет! – непринужденно воскликнул Артем и, не дожидаясь приглашения, протиснулся мимо Алика в квартиру. Проследовав на громкие голоса, он заглянул в комнату и обернулся.

– Весело тут у вас!

Моня радостно замахал руками и завопил:

– Девчонки, смотрите, кто пришел! Красавец! Будущий дипломат!

Алик цыкнул на него, и Моня с наигранным испугом прикрыл рот ладонями. Кольцов потянул Артема за локоть, увлекая на кухню.

– Привет, Кира, – улыбнулся Артем.

Девушка тоже удивленно застыла, увидев синяк. Даже поздороваться забыла.

– Хорошо вас в милиции встретили. Это за что так?

– За правду и преданность идеалам коммунизма! – выпятил грудь колесом Артем.

Алик втолкнул его в кухню и подвинул стул.

– Хватит дурковать. Нас в милиции и пальцем не тронули. Колись, где схлопотал?

– Папачес приложил, – признался Артем.

Алик выпучил глаза и покачал головой.

– Вроде интеллигентный человек. Такой спокойный всегда. Говорил, что наши приключения – просто ерунда.

– Ну так и есть, – подтвердил Артем, пододвигая к себе недопитый кофе Алика. – Нет, ты представляешь – это ведь он подослал этого типа в костюме, чтобы нас поугубить и в чувство привести. Ему еще в двенадцать дня дозвонились, но он специально решил нас промуржжить до вечера.

Алик тупо пялился на своего друга, ничего не понимая.

– Так... А на хрена нас в отделение привезли, и вообще, почему забрали?

– Забрали по наколке гостиничного персонала. Те стукнули куда следует, что мы там с иностранцами бухаем.

Алик еще больше запутался.

– А откуда про президента узнали, про мою работу?

Артем открыл холодильник и с сожалением осмотрел пустую морозилку. Затем взял из ящика стола ложку, наскреб со стенки снежной массы себе в ладонь, помял ее и приложил импровизированный снежок к глазу.

– Болит, однако... Весь наш разговор кто-то дословно передал в органы. Ну а про твою писанину они, по-видимому, и так знают. Только отец сказал, что все это уже неактуально, времена не те. Горбачеву такие дела не интересны, поэтому органы хватку ослабили.

– Тогда за что отец тебе выписал?

– За матушку. Она всю ночь на валидоле и валерьянке. Ну, и я быканул маленько, когда меня воспитывать стали.

– Ты же боксер, чего не увернулся?

– Боксер я липовый... Так, разрядник... А папик-то у меня КМС бывший. Звезданул, я и мяукнуть не успел! В глазах темно, только слышу, как уже матушка на отца наезжает. Если б не она, и по второму глазу мог получить.

Алик с Кирой одновременно приснули. Артем швырнул в раковину остатки растаявшего снега, и, смакуя, допил кофе.

– Ладно, пойду я, – неожиданно встала с места Кира.

Алик нахмурился и задержал ее за руку.

– Может, останешься?

Из ванной послышались кашляющие звуки. Кира освободила руку, поспешила туда, и через несколько секунд послышалось ее участливое:

– Тебе помочь?

Ответом было нечленораздельное мычание одной из девушек. Ее тошнило. Налив в стакан воды прямо из-под крана, Артем выглянул в прихожую и увидел возле ванной полусогнутую качающуюся девицу, которая сосредоточенно пыталась надеть джинсовую куртку, но промахивалась мимо рукава.

– Извини-и-ите, – пьяным голосом протянула она, встретив насмешливый взгляд, и вдруг громко икнула.

Парень протянул ей стакан. Из комнаты выскочила другая девушка, на вид почти трезвая, и начала суетиться возле подруги. Она помогла ей одеться, вежливо отказавшись от помощи Артема, после чего, то ли утвердительно, то ли вопросительно проговорила:

– Мы пойдем...

Артем, улыбаясь уголками рта, пожал плечами. Громыкнул засов, и гости провалились в темноту подъезда.

– Симпатичные. Молодые совсем, глупые, – цокнул языком Артем и прошел в комнату, где, кошмарно фальшивя, Моня пел про курящую план девушку.

– Я водку пью и план курю, а накурюсь, балдею, – заунывно тянул он сиплым голосом.

– Вам тут и без меня хорошо. Пойду, – повторила Кира, вернувшись на кухню.

Алика совсем прибила суточная усталость, сопротивляться ей не было сил. Он смотрел на Киру остекленевшим, немигающим взглядом и наконец выдал:

– Останься.

– Тебе что, баб не хватает?

Вопрос застал его врасплох. Они никогда не обсуждали эту тему, и он даже не задумывался, что это может волновать его подругу.

– А тебе мужиков, – неожиданно для себя выдал он. – Вон сколько их вокруг тебя крутится.

Кира обиженно вскинула брови, но через секунду взяла себя в руки.

– Ты прав, Аличка, недостатка нет. Гоблинов, утырков. Одинцов уже пятый раз замуж предлагает. Но только ты, солнышко, экземпляр редкий, штучный. Женщин жалеешь, потому что совестливый. Даже гадости говоришь как-то нежно, будто извиняешься, вот бабы и тянутся. Я-то тебе зачем?

Кольцов совсем поплыл. Несмотря на выпитый кофе, сознание боролось со сном не очень успешно, и он упрямо продолжал нести бред:

– Ну и в чем вопрос? Одинцов-то о-го-го! Мачо! Чего теряешься?!

Кира поморщилась: она не раз сталкивалась с таким состоянием друга. Алик закусил удила и сейчас бесполезно о чем-то его спрашивать, в чем-то переубеждать. С упрямством избалованного ребенка он будет гнуть свою линию, раздражаться и перечить назло. Девушка не стала продолжать бесполезный с ее точки зрения разговор, развернулась и покинула квартиру, громко хлопнув входной дверью.

– Ну ты баклан... – констатировал появившийся в проеме кухни Артем. – Чё ты ей мозг выносишь? Либо разбегайтесь, либо живите вместе.

– Какой живите? – Алик даже взбодрился от такого предложения. – У меня ни квартиры, ни стабильной зарплаты! Сегодня – пятьсот в кармане, завтра – ноль. Да ты представь: ей двадцать, мне двадцать два. Сопляки. Какой живите!..

Артем одним глазом удивленно смотрел на Кольцова, второй заплыл почти полностью.

– Ты, когда пятьсот имеешь, тормозись и растягивай их, а не спускай в кабаках. Если по году взять, то ты покруче ее мамыши-профессорши можешь зарабатывать. Нормальные тексты писать начни, публиковать будут.

– Чем тебе мои тексты не нравятся? – обиженно напрягся Алик.

Артем не ответил, считая спор тупым и бессмысленным.

– Пойду!

– Ты что приходил-то?

– Моня обещал сеструхе сегодня наушники починить, только, похоже, теперь не получится.

Алик поднял руку, прощаясь, и тут же уронил ее. Артем удалился.

Кольцов немного посидел, собираясь с силами, и пошел в комнату. На диване хозяин квартиры, оседлав девушку, целовал ее в засос, одновременно исследуя двумя руками пространство под ее свитером. Алик не стал прерывать процесс. Выключил в комнате свет, пошлепал в спальню и, не раздеваясь, рухнул на кровать.

Когда утром Алик появился в дверях кухни, Моня, не отрываясь от работы, громко поприветствовал:

– Алоха!

Кольцов молча кивнул и отправился в ванную. Застыв над унитазом, он с удивлением обнаружил на полотенцесушителе одежду, замоченную им с вечера.

– Серега, совсем не обязательно было стирать мои шмотки, – сказал он, вернувшись после душа на кухню.

Монин оторвал взгляд от работы и непонимающе нахмурился. Затем хмыкнул и снова стал водить паяльником по плате.

– Ну ты и придумал! Это Светка с утра простирнула. А уж после свалила на учебу.

– Как все прошло?

Моня поднял вверх большой палец и облизнулся.

– Огонь! Ты прикинь, полтора пузыря всосала и хоть бы хны – еще стихи читала. Прикинь, мне – стихи! Сказала, сегодня снова зайдет, – мечтательно протянул Моня.

Он сладко потянулся, расправляя мощные, как у грузчика, плечи, провел рукой по вечно торчащим белым волосам и довольно крякнул. Его широкое лицо с квадратным подбородком и слегка приплюснутым носом – открытое лицо добряка – выражало блаженное удовлетворение.

При упоминании о ночном чтении стихов Алик поморщился. Сразу вспомнился вчерашний разговор с Кирой. И чего завелась? Он терпеть не мог, когда на него пытались давить. В нем моментально вскипал внутренний протест, и он начинал гнуть своё, даже понимая, что неправ. Зная об этом недостатке своего характера, Алик ругал себя, пытался бороться, но вновь и вновь наступал на те же грабли.

По привычке он потянулся в раковину за стаканом, и с удивлением обнаружил, что она пуста, а на столе, в сушилке, аккуратно составлена чисто вымытая посуда.

«Видно, девочка серьезно решила взяться за Моню», – подумал Алик. С одной стороны, он был рад за друга, которому катастрофически не везло с женским полом, а с другой – не хотелось терять дежурное, временное пристанище.

– Ты в школу пойдешь сегодня? – поинтересовался хозяин квартиры.

– Не хочется, но придется. Девчонку одну подвел. Впрочем, и с комендантшей нужно помириться, а то так и приживусь на твоём диване.

– Вообще-то я не против, – отозвался Моня и опять потянулся, будто сытый кот.

Алик быстро собрался, перекинул через плечо сумку с тетрадами и рванул вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки. В принципе, особо торопиться было ни к чему, так как первые пары он благополучно проспал. Быстро двигаясь, он пытался привести себя в тонус – ему предстояло отмазать племянницу комендантши. Впрочем, Кольцов был на сто процентов уверен в успехе этого предприятия.

Гроза факультета, профессор Воронцов, из-за которого многие студенты были отчислены из университета, относился к Алику с большим уважением и теплотой. Ему прощалось то, что никогда не прощалось даже круглым отличникам. Нередко Алик спорил с Воронцовым прямо на лекциях, и преподаватель никогда не прерывал его рассуждения, даже если был в корне не согласен с ним. Многие пророчили любимчику профессора аспирантуру со всеми вытекающими.

При посторонних профессор обращался к Алику исключительно по имени-отчеству. Кольцов даже был приглашен на юбилей светила отечественной науки, притом, что не все преподаватели университета были удостоены такой чести. Кое-кто из них смотрел на любимчика косо, но однако не пытались как-то отыграться, ущемить. Авторитет Воронцова был столь высок, что противостоять ему не решались. Впрочем, и сам парень не наглед, не давал повода для репрессий. Прогуливал он редко, вовремя сдавал зачеты и экзамены, являлся если не примером – учитывая несколько разгульный образ жизни, – то вполне нормальным успевающим студентом.

В коридорах университета было не протолкнуться. Алик недовольно поморщился: в его планы не входило попасть на перемену между парами. Хлопая по протянутым для приветствия ладоням, он не задерживался, отвечая на все вопросы: «Потом, потом». Добравшись до двери своей кафедры, он приоткрыл её и заглянул. В помещении находилось несколько преподавателей, а за ближайшим столом, прижимая к заплаканным глазам платочек, сидела молодая аспирантка Аллочка.

– Алла Евгеньевна... – тихо позвал Алик.

Аспирантка повернула к нему голову и криво улыбнулась.

– А где Лев Николаевич?

Аллочка шмыгнула покрасневшим маленьким носиком и ответила немного гнусаво:

– Наверное, в пятой. У него лекция была.

Алик благодарно кивнул и поспешил в дальний конец коридора. Профессор оказался в аудитории не один. Напротив него у преподавательского стола расположился мужчина с аккуратной прической, в дорогом костюме и при галстукке. Обернувшись на звук открывшейся двери, Лев Николаевич приветливо улыбнулся Алику.

– Вы ко мне, Александр Петрович?

Алик утвердительно кивнул, всматриваясь в лицо профессорского гостя. Определенно, оно было ему знакомо.

– Пять минут. Мы сейчас закончим.

Закрыв дверь, Алик отошел к окну и пристроил сумку на подоконник.

– Что за юное дарование? – хорошо поставленным баритоном поинтересовался гость.

– Почему же сразу дарование, Антон Валерьевич? – усмехнулся профессор.

– Я прекрасно помню ваши привычки. Кого бы еще вы изволили величать так официально?

– Ну да, талант. Несомненный. Прекрасный слог и эрудиция, независимые и аргументированные суждения, философский склад ума. Парня ожидает большое будущее, если система через колено не сломает.

– Что, гнется с трудом?

– Есть такое дело... Но вы себя вспомните – каким упертым были!

– Да-а-а, – протянул Антон Валерьевич. – Шишек много набил...

– Так что по моему вопросу?

– Готовьте письмо. Я решу с руководством. Приложите список студентов, и будет им практика.

– Вот и хорошо.

Антон Валерьевич попрощался и вышел из аудитории. Кольцов проводил гостя напряженным взглядом, пытаясь вспомнить, где же он мог его видеть? Войдя в аудиторию, кивнул через плечо на дверь.

– А это...?

– Пылаев. Телевидение, – коротко пояснил Лев Николаевич.

– Точно! – обрадовался парень. – А я мучился, не мог вспомнить!

– Ну здравствуй, Саша. Похоже, мои лекции ты решил не посещать?

Алик смутился и начал оправдываться:

– Да у меня вчера...

– Я в курсе.

Кольцов в изумлении уставился на него, не понимая, откуда профессор мог узнать о вчерашнем происшествии. Неужели все-таки сообщили в деканат?

– Не напрягайся. Про ваши с Артемом похождения я утром от Торопова узнал.

Алик облегченно выдохнул. Действительно, Воронцов жил в одном подъезде с Артемом. Собственно, он и познакомился с Артемом на юбилее профессора два года назад, а дружба после завязалась. Благодаря влиятельному соседу Воронцов организовал своему любимчику отсрочку от армии. Отмазывая сына, отец Артема включил свои связи, и заодно, по просьбе профессора, решил вопрос с Аликом.

После того как правительство отменило отсрочку, большинство студентов и их родителей испытали шок: никакие успехи в учебе не помогли добиться освобождения от армии. За два года с потока Кольцова забрали служить практически половину парней, остались только те, кто смог обзавестись справками о плохом здоровье или имел связи на самом высоком уровне. Общаясь с ребятами, вернувшимися со службы, Алик еще больше уверился, что армия – это прямой путь к моральной и профессиональной деградации. Может, для кого-то она и являлась шагом вперед, но только не для студентов ВУЗов, которые и без армейской муштры были достаточно высокоорганизованы. И если раньше у него иногда возникали мысли по поводу тупости руководителей Советского государства, то постепенно они переросли в полную уверенность.

В юности Алик, как все, слегка посмеивался над обвешанным как елка медалями, шамкающим и плямкающим генсеком, но когда он столкнулся с реалиями взрослой жизни, его уже просто клинило от беспринципности и бездарности аппаратчиков, дискредитирующих саму коммунистическую идею. Воспитанный на фильмах об Отечественной войне, где коммунисты первыми шли умирать за Родину, он не понимал – куда подевались все эти герои? Расставаться с идеалами было горько и больно, но больше всего возмущало безграничное лицемерие и отсутствие каких-либо моральных устоев. Какой там кодекс строителей коммунизма – общество уже и простым принципам человеческого сосуществования не соответствовало. Сознание разлагалось под воздействием уравниловки, царящей на предприятиях. Абсолютно не заинтересованные в результатах своего труда, люди работали спустя рукава и тянули с производства кто что мог. Воровство превратилось в норму жизни. Неудачи окружающих доставляли больше радости, чем собственные успехи. Не беда, что у меня коровы нет – главное, что у соседа сдохла!

Алик не мог и не хотел жить по таким правилам. В его характере сочетались, казалось бы, несовместимые черты: эгоизм и вместе с тем душевность и сентиментальность. Он всегда был готов помочь, абсолютно бескорыстно. При этом он, не задумываясь, откровенно высказывался по любому поводу, иногда в довольно резкой и обидной для собеседника форме – за что нередко получал соответствующую реакцию в ответ. Кого-то независимость его мнения и позиции просто бесила, а у других вызывала зависть. За четыре студенческих года Кольцов умудрился нажить массу друзей и массу недоброжелателей. Но кое-какие житейские уроки все же усвоил. Теперь он осторожнее высказывал свое мнение, и старался не спорить, если интел-

лект собеседника не дотягивал до его уровня. С недоумками вообще общался односложно, без изысков, не считая нужным впустую метать бисер.

– Аллочку кто-то обидел, – сообщил Алик, чтобы сменить неприятную для себя тему разговора.

– Никто ее не обижал, – мрачно пояснил профессор. – Сегодня мать Викулова приходила. Помнишь такого?

Конечно, Алик помнил этого парнишку. Абсолютно детское лицо, тонкая шея, зажатая воротом застёгнутой на последнюю пуговицу рубашки, очки в тяжелой роговой оправе. На общем фоне парень выделялся успехами, но и его призвали по окончании второго курса.

– Повесился месяц назад.

Кольцов удивленно вскинул брови и пробормотал:

– Так ведь всех студентов демобилизовали по постановлению...

Лев Николаевич вздохнул и беспомощно развел руками.

– А его не успели. Кто знает, что там на самом деле произошло... Мы за эти годы пяти-рых потеряли. Пятерых, и заметь, далеко не самых худших. Да, наломали дров наши руководители... Ты-то зачем пришел? Каяться за пропуск?

Алик быстро закивал головой.

– И это тоже. Но вообще-то я хотел за одну студентку попросить. Вчера меня в общаге не было, а я ее реферат по ошибке к себе засунул. Ну и не успела она его сдать.

Врать Алик не умел и не любил, даже вспотел от нервного напряжения, несмотря на то, что в аудитории было довольно прохладно.

– Это ты про Рыкову?

Кольцов в который раз поразился осведомленности профессора, и кивнул.

– С утра все за нее просят – прямо популярнейшая личность эта Рыкова! Она единственная не сдала работу.

Алик не стал выяснять, кто еще просил за его протеже, но вспомнил, что девушка крутила роман с одним из аспирантов.

– Так как, Лев Николаевич? – заискивающе уточнил Алик.

– У тебя с ней что, отношения? – любопытствовал профессор.

Кольцов чуть не кивнул, но передумал. Уж в этом врать не хотелось, и он честно признался:

– Нет, просто я живу в общаге другого института, где комендант – ее тетка.

– А почему не в университетском городке? – удивился Воронцов.

Алик не стал вдаваться в подробности. Не объяснять же профессору, что в этой общаге он находится на особом положении. Может, например, собирать гостей на вечеринки и не опасаться, что выселят или даже отчислят за аморалку. Комната Кольцова была неким островком безопасности, где без боязни внезапного рейда комсомольского оперотряда можно было устроить пьянку или заняться любовью.

Оперативные отряды! О, это гнусное явление студенческой жизни в стране, воспитывающей строителей коммунизма! Оперотрядовцы с особым рвением блюли нравственность будущих руководителей, проводили неожиданные налеты на студенческие общаги с целью выявить организованные пьянки и «прелюбодеев». В статус последних нередко записывали парня и девушку, просто находящихся в закрытой комнате – полный абсурд! За нарушение правил грозили серьезные наказания, вплоть до отчисления из учебного заведения. Только в комнату Кольцова ретивые комсомольцы никогда не стучали. Даже они побаивались злобную комендантшу и предпочитали не связываться с ней. Пользуясь этим преимуществом, Алик никогда не отказывался уступить комнату ребятам и не требовал никаких компенсаций.

– Так мне удобнее, – коротко ответил он на вопрос профессора.

– Хорошо, пусть она реферат на следующей неделе, в пятницу, на лекцию принесет. На этой неделе меня в университете не будет.

Алик облегченно выдохнул. За девять дней можно успеть накопать хоть десяток таких работ. Он хотел поблагодарить профессора и откланяться, но тот задержал его.

– Ты скажи, у тебя что-нибудь новое есть?

Лев Николаевич с интересом следил за творчеством любимого студента. Первый рассказ Кольцов написал под впечатлением от поездки в Кировскую область со стройотрядом. Им досталось отремонтировать свинарник за невероятные, баснословные по тогдашним временам деньги. Полученные девятьсот рублей позволили Алику привести в порядок свой гардероб и значительно облегчить финансовую нагрузку на семейный бюджет. Это потом, уже когда стал подрабатывать в газете, он полностью прекратил брать деньги у мамы, и даже начал периодически слать домой продукты. Но первые два года мама исправно переводила ему каждый месяц по пятьдесят рублей.

Центральная усадьба колхоза, куда студентов доставили автобусом, выглядела относительно сносно, но оказалось – это не конечная цель их путешествия. Дальше ребят погрузили в просторный прицеп мощного трактора, и они в полной мере испытали на себе все прелести отечественного бездорожья. В деревне стройотрядовцев разместили в домах колхозников, по два человека в семью. В первые дни городских мальчиков несколько шокировал быт российской глубинки. Глубинка! Это понятие для Алика было чем-то абстрактным, далеким, немного отдающим романтикой старины. Поработав в стройотряде, он пришел к выводу, что российская глубинка – это самая распоследняя глухомань. Он и представить не мог, что относительно близко от Москвы люди живут в таких условиях. Если бы не наличие современной техники, можно было подумать, что они попали в прошлый век.

Хозяин дома, где их поселили, местный тракторист, еще молодой парень, но с практически убитой солнцем и самогоном кожей лица, в знак приветствия столичным гостям сразу выставил на стол огромную бутылку мутного пойла. Самогон оказался просто термоядерным. На закуску – щи, сало, вареная картошка, огурцы и зелень с огорода, ставшие их неизменным рационом на ближайшие два месяца. К счастью, объявленный комиссаром отряда сухой закон избавил их от необходимости ежедневно глотать мутную вонючую жидкость. Хозяйка выглядела под стать мужу. Хоть она и не разделяла его увлечение спиртным, но ежедневная работа в поле также преждевременно состарила ее лицо. Два мальчика-погодка, десяти и одиннадцати лет, были предоставлены сами себе, и целый день гоняли где-то по окрестностям. Они забегали домой только за тем, чтобы ухватить краюху хлеба и зачерпнуть кружкой густую кислую массу из стоящей в снях бочки. По утрам хозяйка сливала туда надоенное молоко, и оно превращалось в простоквашу – это был единственный молочный продукт, который готовили в этом доме; при наличии собственной коровы – ни сметаны, ни масла, ни сливок. Но больше всего поражало то, как в этой семье общались между собой. Они не матерились – они разговаривали матом, притом мальчишки иной раз заворачивали такое, что даже у студентов уши вяли. А мать никак не реагировала, сама крыла сыновей, а заодно и мужа, трехэтажным. С тех пор у Алика выработалось стойкое отвращение к мату, он избегал его в своей речи и употреблял крепкие слова лишь в исключительных случаях.

Каждый день тракторист привозил домой один-два мешка комбикорма, доски, брусья, арматуру, кирпичи... Похоже, он тащил все, что попадалось под руку, поэтому практически весь двор был завален стройматериалами. Через какое-то время ребята убедились, что так у всех в этой деревне, за редким исключением. А исключение составляли те, кому было просто лень тащить колхозное добро – они находили себе другие занятия. Например, нажравшись до белой горячки, гоняли домочадцев или устраивали драку с соседями.

Кольцов порылся в сумке, достал толстую тетрадь, полистал страницы и протянул ее Воронцову. Тот надел очки и углубился в чтение рассказа. Через несколько минут он отложил очки в сторону и вернул тетрадь парню, медленно качая головой.

– Плохо? – спросил Алик.

– Отнюдь нет. Не Солженицын, конечно, но очень интересно. Завидую! Ты что, это просто так, в сумке с собой таскаешь?

Алик пожал плечами и скорчил виноватую гримасу.

– А куда мне? В общежитии оставлять?

– Ну да, ну да, – задумчиво согласился профессор. Хорошо, иди. И будь любезен – не пропускай.

На лестничной площадке перед квартирой Мони Алик остановился и принялся: ноздрей коснулся дразнящий запах сочных домашних котлет. «Похоже, маман приехала», – с грустью подумал он. Кольцов не очень любил встречаться с матерью Мони: приходилось выслушивать её жалобы на бестолковость сына, на тяжелые времена и ностальгические воспоминания о том, как хорошо жилось раньше. Только сейчас деваться некуда. Его скарб находился за обшарпанной дверью и путь к нему лежал через встречу с матерью друга. Между тем от сытных ароматов рот медленно заполнялся слюной. Он слотнул и вдруг вспомнил, что не ел со вчерашнего вечера. «Блин! Все-таки Людмила Федоровна очень кстати. Котлеты у нее просто волшебные», – прикинул он и решительно нажал кнопку звонка.

Засов клацнул. Перед ним стояла незнакомая девушка. После секундного замешательства Алик открыл рот, чтобы спросить Моню, но девушка нырнула вглубь квартиры, оставив дверь открытой. Несколько озадаченный, Алик вошел и направился на кухню, откуда доносились голоса.

Моня, с голым торсом, сидел за столом в той же позе, что и утром, а у плиты суежилась Света. Немудрено, что Кольцов не узнал ее в полумраке прихожей, она выглядела совсем иначе, чем вчера. От разбитной размалеванной девахи не осталось и следа: волосы собраны в тугой узел, практически отсутствует макияж, спортивный костюм обтягивает стройную фигурку, подчеркивая идеальную форму груди. Света ловко управлялась с кухонной утварью: периодически помешивала в кастрюле и переворачивала котлеты на большой сковороде, и еще попутно умудрялась что-то живо объяснять Моне, энергично размахивая шумовкой. Алик прислушался.

– Сережа, конденсаторы не лепят в такие схемы. Они там просто не нужны.

Моня согласно кивал головой, иногда бросая косые взгляды в сторону плиты и нервно сглатывал слюну. Наконец девушка выключила газ, сполоснула руки над мойкой и объявила:

– Все! Мне надо домой бежать. Хлеб сами купите.

Она чмокнула Моню в щеку и выпорхнула в прихожую. Хозяин квартиры рванул за ней, едва не опрокинув стол.

– Света, стой! Ты когда появишься?

– Когда опять кухарка и прачка понадобятся, – весело пошутила она. – Позвоню завтра, ну и ты звони, если что, – добавила она, убегая.

Алик, подгоняемый чувством голода, налил себе борща и попытался примоститься на заваленном радиодетальями столе. Моня быстро сгреб запчасти в сторону и тоже налил себе полную миску. Они молча махали ложками, пока не выскребли все до дна. Алик тут же положил себе две котлеты, сунул в рот первый кусок и блаженно закрыл глаза.

– Почти как у твоей мамы, – оценил он стряпню девушки.

– Круче, – буркнул Моня с набитым ртом.

Он метал котлеты прямо со сковороды, засовывая их в рот целиком и, как казалось со стороны, глотал, не пережёвывая. Понаблюдав за процессом, Алик поинтересовался:

– Серега, а что она там про конденсаторы грузила?

– Так Светка ж на физфаке учится. Третий курс.

– Коллега?

– Ага. И не меньше меня рубит в этом барахле, – указал Моня на разобранный магнитофон. – Пясть толком не умеет, а так сечет. Оказывается, мы с ней в универе пересекались. Она на меня еще тогда глаз положила.

– Даже так? – удивился Алик. – А она что, местная?

Сергей постучал себя по лбу.

– А ты думаешь, продукты откуда? Шиш бы она успела после пар затариться и жрать нам приготовить. Из дома захватила – и ко мне. Живет здесь рядом, через квартал.

– Круто. Ты-то сам, не думаешь восстанавливаться?

Сергея Монины полгода назад турнули с третьего курса физфака, за фарцовку. К тому времени у него был налажен крутой бизнес по ремонту электроники, но он зачем-то еще пихал виниловые импортные диски студентам, прямо в университете. В столовой одного из корпусов он попытался продать незнакомому парню винил с записями группы «Queen» за сто пятьдесят рублей. Парень очень хотел купить, но в кармане имел лишь девяносто. Моня согласился скинуть, отдать диск за сто двадцать, но дальше стоял твердо. Наконец покупатель, который был комсомольским активистом, понял, что сторговаться не получится – и незадачливый фарцовщик оказался в кабинете декана факультета. Руководству не нужен был скандал, поэтому Монины слили по-тихому, без милиции, не вынося сор из избы. Все попытки матери договориться с ректором ни к чему не привели, зато сделать из сына идиота у нее получилось. Конечно, мозги ему никто не отбивал, просто в медицинской справке, купленной Людмилой Федоровной, значилось такое крутое заболевание, что по прошествии времени парень даже имел проблемы с получением водительских прав. Можно было бы обойтись и менее радикальными мерами, но Серёгина маман привыкла действовать наверняка. Она умудрилась запихнуть сына на пару недель в психушку, зато теперь он имел на руках белый военный билет и справку дурака.

– Смеешься? Я в этой вашей бурсе только из-за армии болтался, а так мне диплом, как мертвому припарка.

– Это почему только из-за армии? – не понял Алик.

– Да потому. Когда этот ходячий Пантеон, руководители наши гребанные, в Афган полезли, мне пофиг было – четырнадцать лет всего. Да и мамка сильно не переживала: мало ли где наши войска стоят. Потом у ее подружки сына в цинке привезли, потом еще и еще у кого-то. А мне уже шестнадцать стукнуло. Маман дергаться начала, даже на короткие рейсы перевелась, чтобы меня, балбеса, контролировать. Учиться заставила и присела на уши. С утра до вечера мозг компостировала, мол, без высшего образования забреют и в кирзовые сапоги обуют. Я, конечно, упирался, как мог. Мне тогда уже серьезные бабки платили за ремонт техники, больше нее мог зарабатывать, а пришлось за учебники садиться. Хорошо еще хоть с головой порядок, так что аттестат у меня достойный. Ну и физик наш от меня фанател. Тебе говорит, Монин, нужно на физфак поступать, с такими-то мозгами. Вот маманя и заперла меня в универ. Ты ж ее знаешь: если чего решила – или по ее будет, или прильет. А на хрена мне инвалидность? – Моня рассмеялся. – Да и если честно – мне нравилось учиться. Вот, Светку заарканил. Не зря время провел.

«Кто кого заарканил, это вопрос», – подумал Алик, а вслух шутливо поинтересовался:

– Это ты в справочнике по электронике про Пантеон вычитал?

Такое обозначение бывшего руководства страны показалось ему точным и остроумным.

– Ни в каком. Это матушка придумала. Она вроде тебя: такое может отмочить, не задумываясь! У нее же филфак педагогического.

Алик быстро представил Серегину маму у школьной доски – и поежился. Эта крупная женщина с квадратной фигурой и сильными, не женскими руками, с грубым командирским голосом, никак не вписывалась в образ скромной учительницы.

– А почему в проводницы пошла?

Моня удивленно скривился.

– Так она и дня в школе не работала. Как мой папаня на севера свалил с концами, так она меня к бабке – и в проводницы. Ребенка кормить нужно, а училкина зарплата для семьи – слезы. Знаешь, как я в детстве жрал? Кухня трещала! А проводники только официально меньше двухсот пятидесяти не получают. А если рейсы длительные, то и все семьсот заработать можно. Чем дольше в поезде живешь, тем больше денег. Плюс приработок, бутылки – они их после рейса электрокарами вывозят. Прикинь, как народ бухает!

Алик заглянул в пустую сковороду и ухмыльнулся. Похоже, с годами аппетит у друга несколько не испортился.

– Хорошо хоть хата зачетная нам после пахана осталась, – продолжил Сергей, – а так с тех пор от него ни слуху, ни банана. Пока бабаня не померла, с ней здесь жил, а с двенадцати лет у матери, один на хозяйстве.

Моня тряхнул пачку «Явы», ловко поймал губами выскочившую сигарету, щелкнул зажигалкой и затянулся. Алик недовольно поморщился.

– Ты бы хоть в окно дымил. Всю квартиру провонял.

– Вы что, сговорились, меня воспитывать? Мать гундит, Светка сегодня наехала, тебе тоже все не так... – возмутился Моня, нехотя встал и открыл настежь окно.

– Вот-вот. Может, хоть Света тебя к порядку приучит?

– Не возражаю, – осклабился Сергей. – Я сегодня, и правда, будто мамкин приезд пережил.

– И что? – улыбнулся Алик. – Как ощущения?

– Не, ну тут совсем другое. Матушку я побздехиваю, потому нервничаю. А со Светкой кайфово. И чисто, и пожрать, и все остальное... Кайф!

– Ну что ж ты такой приземленный? Пожрать, все остальное... А романтика?

– Романтика? – хитро прищурился Моня. – Стихи были? Были. Песни я ей пел. Опять же – конденсаторы обсуждали. Романтика налицо. Короче, мозг не выноси. Я сам в непонятках.

– Чего так?

– Как чего? Ну вроде все, как надо – но малёхо не по себе. Что-то я не готов пока на поводок.

– Так и не торопись. Тебя же не ведут, как телка на убой. Живи и кайфуй. Гедонизм, одним словом.

– Ге-до-низм, – повторил Моня по слогам. – Что за хрень?

– Это когда удовольствие является высшим благом и смыслом жизни, единственной терминальной ценностью, – процитировал Алик определение из учебника, назидательно поняв вверх указательный палец.

– Откуда ты такие словечки выкапываешь?

– Из книг, Серый, из книг. В мире, кроме справочников по радиотехнике, есть еще и другие книги.

– Вот когда тебя напечатают, обязательно прочту, – засмеялся Моня. – Гедонизм, говоришь? Тогда, может, по стаканчику – для полного гедонизма? Со вчера пузырь остался.

Алик скривился и резко отмахнулся ладонью.

– Мне еще в общагу переться.

– Кто тебя сейчас туда пустит? Ночь на дворе.

Алик посмотрел в окно, где на город напоздали ранние осенние сумерки. Наверняка комендантша уже дома. Возвращение в родные пенаты откладывалось до завтра.

– Хорошо, тащи свое пойло.

Пока Мونها метнулся из кухни, Алик прошел в комнату, где стоял диван, и с удивлением обнаружил свою одежду уже выглаженной и развешанной на стуле. «Какая хозяйственная эта Светка», – невольно восхитился он.

– Але, гараж! – раздался со стороны кухни голос Монины. – Все готово!

Алик вернулся и устроился на своем прежнем месте. На столе появилась пузатая бутылка темного стекла и два стакана, до половины наполненные темно-бордовой жидкостью. И больше ничего на нем не было, кроме кучи радиодеталей и полуразобранного двухкассетника.

– На хрена ты все котлеты сожрал, если бухать собирался? – проворчал Алик. – Чем закусывать?

Моня суетливо зашарил по шкафам и через минуту откопал шоколадку в яркой обертке, в два приема содрал её и разломал плитку на мелкие, подернутые белым инеем шашечки. Похоже, шоколаду было сто лет в обед, но под портвейн непонятного качества, который Мونها купал у знакомого – это было то, что надо.

– За гедонизм! – торжественно произнес хозяин квартиры и, звякнув своим стаканом о стакан друга, опрокинул содержимое в рот.

Алик согласно кивнул, принялся и медленными глотками выпил свою порцию. Вчера он не стал пить, а сегодня с удивлением нашел, что портвейн не так уж плох. Бывало и похуже.

– Ты где его берешь?

– У меня надежный поставщик. Из всего дерьма, которым нас травят, это самое лучшее. Я директору магазина видик на халяву починил. Да там говно вопрос был: по пьяни не той стороной кассету запихнули. Потом еще мафон вылечил его корешу, теще телек. Зато теперь, если нужно – ни очереди, ни лимита. Хоть упейся!

Иметь такое знакомство в условиях тотального дефицита алкоголя – это было круто! Жители столицы занимали очередь за спиртным с раннего утра и стояли по несколько часов. Если последним не хватало – начинался мордобой. Студенты одними их первых попали под каток антиалкогольного закона. За малейшие нарушения, связанные с выпивкой, из ВУЗов выгоняли с треском. По Москве ходили слухи о самоубийстве какого-то профессора, крупного специалиста по винограду и виноделию: он наложил на себя руки в знак протеста, когда начали вырубать элитные виноградники. Один за другим закрывались вино-водочные магазины. Правда, водку почти всегда можно было приобрести у таксистов – естественно, втридорога и непонятного качества. Так что Моне крупно повезло. Магазин под боком, и директор – друган!

Кольцов скорчил восхищенную гримасу и протянул Моне пустой стакан. Тот взял его, поставил на стол и, весело подмигнув, наполнил до краев. Алик возмущенно приподнял брови.

– Добить меня решил?

– Чё тут пить? – усмехнулся Мونها и точно так же набулькал себе. Затем спрятал пустую бутылку под стол и поднял стакан. – Глаз – ватерпас! Поровну! За гедонизм!

В голове Алика уже начинал шевелиться этот самый гедонизм, но он решил не расстраивать товарища, поднял стакан, чокнулся с ним и сделал пару больших глотков. Мونها, не отрываясь, опорожнил свой.

– Ты бы не увлекался, – заметил Кольцов.

Мونها небрежно скривился, бросил в рот несколько шашечек шоколада. И тут в прихожей требовательно зазвонил телефон.

– Кому это я понадобился?.. – проворчал Сергей, тяжело поднимаясь с места. Через несколько секунд он крикнул из коридора: – Это тебя!

«Может, Кира?» – промелькнуло у Алика в голове. Неоконченный разговор с девушкой не давал ему покоя весь день. Он резко вскочил и через секунды выхватил у друга трубку, но, услышав голос Артема, протянул немного разочарованно:

– А, это ты...

– А ты кого хотел?

– Неважно. Говори.

– На пятницу ничего не планируй – сестрице шестнадцать лет, день рождения. Так что она тебя приглашает. Мы на даче собираемся. Я думаю, ты не забыл, где бухали на восьмое марта?

Это известие застало Алика врасплох. Больше всего он не любил ходить на дни рождения малознакомых людей, говорить банальные тосты, абсолютно неискренние и пустые. За два года дружбы с Артемом он едва ли перебросился с его сестрой парой фраз. Он даже не был уверен, что сможет ее узнать, если встретит на улице. Но самое сложное – это подарок! Что можно подарить практически незнакомому человеку, если ты не знаешь его вкусов и интересов. Он непроизвольно чертыхнулся.

– Тормози, Алик! Не напрягайся. Знаю, о чем думаешь. Будут только свои, ну и твой профессор с супругой. Вообще-то, это папик мой хочет поближе с тобой познакомиться. Шашлыки будут.

Алик несколько опешил. Нафиг он сдался мидовскому чиновнику? Какое знакомство – они ведь и так уже два года периодически общаются.

– С подарком не заморачивайся. Купи розы и все. У нас так принято. Жду в шестнадцать. Бывай.

И Артем отключился, даже не дав Кольцову придумать аргументы для отказа.

– Не, ну это просто засада! – запаниковал Алик.

Уж такой дурацкий был у него характер: всякое подобное мероприятие перерастало в проблему.

Следующие два дня ему предстояло провести в раздумьях: что говорить папе Артема, что говорить его маме, как вообще вести себя на чужом празднике, и что конкретно заключено в простых словах: «Папик хочет поближе познакомиться». Полный дурдом! В такие минуты даже вселенская катастрофа начинала казаться Алику меньшим злом, чем предстоящее семейное торжество. Хотя потом, как правило, все проходило «на ура». Включались его природное обаяние, интеллект – и в итоге он приобретал новых друзей.

Моня стоял в дверях кухни, подпирая плечом косяк, участливо смотрел на перекошенную физиономию Алика и, наконец, не выдержал:

– На тебе лица нет. Что случилось?

– Артем на день рождения сестры пригласил.

– И чё?

– Да ничё! Головняк очередной!

Моня непонимающе пожал плечами и поинтересовался:

– Ты допивать будешь?

Алик, обременённый новыми заботами, просто отмахнулся. К удивлению гостя, Моня вылил остатки портвейна в раковину и принялся за мытьё посуды, чего за ним не замечалось последние два года их знакомства.

«Пропал парень», – усмехнулся про себя Кольцов.

Как ни странно, паническое настроение прошло довольно быстро. Ну ладно, на розы деньги есть. Приличная рубаха в общаге у ребят найдется, джинсы постираны.

Может, позвонить Кире? Не, ну что за дурацкие претензии? В последний год он и не гулял ни с кем, кроме нее, хотя не обещал хранить верность. Да и вообще ничего не обещал. А вчерашние телки – это не в счет. Моня вечеринку закатил, а он просто свадебного генерала исполнял. Сам ее позвал, а она какую-то «обижалочку» включила. Пришла взрослая такая, умудренная жизненным опытом... Вопросы, как в кино, принялась задавать...

Еще минут пять Алик накручивал себя. И чем больше он думал об этом, тем больше ощущал, что прав. Да пошли они все!.. Плюхнувшись на кровать в спальне, он включил телевизор.

На следующий день, сразу после занятий, Алик нашел Людку Рыкову и передал ей разговор с Воронцовым. Неожиданно для него та начала извиняться и доказывать, что ни о чем не просила свою тетку, просто искала его в общежитии и, походя, брякнула о своей проблеме. Тетка, как всегда, бежала впереди паровоза. Больше всего девушку заинтересовало то, что за нее еще кто-то просил, кроме Алика. Однако, не добившись подробностей по этому вопросу, Рыкова тут же пошла к автомату звонить тетке.

В общежитии Кольцова встречали, как дорогого гостя. Разве что воздушных шариков и военного оркестра в холле не хватало. Все студенты, попадавшие по дороге, радостно приветствовали его. Хотя Алик понимал, что половина этой радости адресуется не ему, а особому статусу его комнаты, но все равно было приятно.

Вселившись на прежнее место, он засел за реферат для племянницы комендантши. Тема настолько увлекла его, что он трудился с удовольствием и накропал довольно серьезную работу. Затем с чувством выполненного долга полтора часа гонял мяч на спортивной площадке общежития; после принял душ и завалился отдохнуть на кровать. Незаметно для себя Алик задремал, и проснулся от негромкого стука в дверь.

– Да! – рявкнул он спросонок.

Дверь медленно приоткрылась, в комнату осторожно просочилась Людка Рыкова и замерла, уткнувшись взглядом в распростертое на кровати мужское тело, облаченное лишь в спортивные трусы. Её щеки мгновенно залил горячий румянец, но она не отвела глаз. Алик махнул рукой в сторону письменного стола рядом со своей кроватью и потянулся. Девушка взяла исписанные листки и присела на край кровати. Ложе было не широкое, Алик почувствовал бедром тепло ее тела, но никак не прореагировал. Людочка внимательно читала написанную им работу, а закончив, обернулась.

– Тебе не кажется, что Воронцов узнает твою руку? Слишком глубоко копнул.

– Руку мастера? – пошутил Алик и продолжил уже серьезно: – Изложи по-своему, сократи. В первый раз, что ли?

Рыкова согласно кивнула и неожиданно положила ладонь ему на грудь. Девчонка была ничего, но желания не вызывала. Его голова была занята мыслями о другой. Алик скривил рот, аккуратно убрал ее руку и поднялся на ноги.

– Людочка, извини, мне нужно переодеться. Ребята ждут.

Девушка не спеша свернула в трубочку бумаги и так же медленно вышла из комнаты.

Кольцов отодвинул легкую ткань гардины и несколько минут стоял неподвижно, глядя в окно. Когда девушка появилась на крыльце, он отпустил ткань, достал из сумки свою тетрадь и уселся за письменный стол.

Алик быстро писал, периодически читал вслух написанное, нервно зачёркивал и начал писать снова. Это были простые зарисовки: диалоги героев, его размышления о жизни, стране, и, конечно же, о любви. Около одиннадцати вечера появился сосед по комнате, сильно подшофе. Он попробовал завести разговор, но, когда понял, что Алик абсолютно не реагирует на его попытки, махнул рукой и, не раздеваясь, завалился на кровать.

Кольцов работал до трех ночи, пока не иссякло вдохновение, и все-таки утром не проспал и успел на первую пару. Вместо профессора Воронцова лекцию проводил один из его аспирантов. Алик ничего не имел против этого в общем-то неплохого парня, но если даже такой талантливый оратор, как Воронцов, не всегда мог увлечь аудиторию, то молодому аспиранту это было совсем не под силу. В аудитории стоял легкий гул, студенты обсуждали текущие новости, переговаривались полупрошепотом. Преподавателя, казалось, не беспокоил постоянный фон, сопровождавший его лекцию; то и дело заглядывая в конспект, он продолжал рассказывать про массовые коммуникации. Аспирант явно отбивал номер. Алик витал где-

то далеко, в собственном, только ему доступном мире. Отключившись от реальности, он прорабатывал сюжет книги, замысел которой родился вчера, сразу после ухода Рыковой. Её неуклюжая попытка соблазнения заставила думать об отношениях между мужчиной и женщиной, потом просто о природе человеческих взаимоотношений – и понеслось... Мысли накатывали волнами, и он торопливо записывал их почти до утра. Это должен быть роман о современных молодых людях, ищущих свое место в жизни. Кольцов не слышал, как прозвенел звонок, и еще пару минут сидел в глубокой задумчивости, пока парень из группы не тронул его за плечо.

– Саня, ты к Аллочке на пару пойдешь?

Кольцов очумело уставился на него и отрицательно мотнул головой. Сегодня у них было две пары, и на первую он пришел только потому, что пообещал профессору не пропускать его предмет.

Алла Евгеньевна в глубине души радовалась, когда Кольцов не приходил на ее занятия или сидел, погруженный в свои мысли. А вот если он принимал участие в обсуждении темы, молодая преподавательница начинала краснеть, смущаться и вообще готова была провалиться сквозь бетон перекрытия. Конечно, по сумме знаний парень пока не превосходил ее, но напором и неожиданными суждениями, наличием собственной позиции, зачастую ставил в тупик. Плюс ко всему он имел привычку смотреть прямо в глаза во время спора, и Аллочке начинало казаться, что она тонет в зеленых колодцах его красивых глаз.

Но сегодня ей не суждено было в них заглянуть. Алику нужно было успеть на день рождения, а до этого он хотел получить гонорар в издательстве за свою последнюю публикацию. Накануне он созвонился с редактором и тот просил заглянуть к нему, поэтому, получив в кассе деньги, Кольцов направился в кабинет шефа. Секретарша в приемной приветствовала его радостной улыбкой, а вот редактор, сидящий грузный мужчина, нависший над огромным, заваленным бумагами письменным столом, встретил довольно сухо. Перемена была слишком разительной, чтобы ее не заметить. Обычно вежливый и радушный, сегодня Георгий Ефимович цедил фразы сквозь зубы, старательно подбирая слова. Когда ничего не понимающий Алик хотел задать прямой вопрос, тот неожиданно приложил к губам карандаш, потом быстро написал что-то на клочке бумаги. Алик подошел ближе к столу и прочитал: «Тобой интересовались из КГБ». Кольцов понимающе кивнул и пояснил:

– Я знаю. Это не то, что вы подумали. Они в университете перспективных студентов для работы в органах подбирают, – он соврал, не задумываясь, и сам удивился легкости, с какой выдал эту версию.

– А-а-а, – протянул редактор.

По его лицу можно было понять, что он испытал огромное облегчение. В среде студентов-журналистов ходили слухи, что все начальство в средствах массовой информации – штатные сотрудники КГБ или так называемые «доверенные лица», и Алик подозревал, что это вполне возможно. По разговорам, такими «лицами» были наводнены и все предприятия страны. Они, конечно, не писали никаких доносов, однако имели постоянный контакт со штатными сотрудниками «конторы».

– Спасибо, Георгий Ефимович, – демонстративно похлопал себя по карману Алик, имея в виду гонорар. – Может, есть для меня еще задание?

Редактор на секунду задумался и принялся рыться в бумагах на столе. Наконец выудил на свет несколько листов и протянул их Кольцову.

– Посмотри. Это немного не то, чем ты обычно занимаешься, но зато будет постоянная рубрика.

Алик пробежал глазами по строчкам и удивленно взглянул на редактора. Текст содержал рассказ бывшего студента одного из московских техникумов, от первого лица.

– Я так понимаю, нужно переработать чужой текст?

– Нет, друг мой! Нет! – возбужденно всплеснул руками редактор. – Нужно красиво, художественно преподнести эту историю, от лица... ну, скажем, Пети Иванова. Затем будет другая история, от Ивана Петрова. Мы хотим разбудить ребят и заставить писать нам. Твоя задача – красиво и занимательно пересказывать все это и доносить до читателя. Хочешь, вставляй элементы детектива. Держи читателя.

История на листочках показалась Алику довольно банальной. Какая-то девочка обманула мальчика. Мальчик бросил учиться, начал выпивать, потом очень пожалел об этом, опомнился, но было поздно. В общем – ерунда, такие ситуации возникали сплошь и рядом. Алик уже хотел было вернуть бумаги на стол и отказаться, но что-то его остановило. Хорошо, для него это банально, но у пацана-то – реальная трагедия! Привлекала еще и возможность получить постоянный заработок. В смысле работы ничего сложного он для себя не видел. Таких историй и им подобных, когда кто-то бросил учебу по глупости или потому, что забухал от несчастной любви, он мог если не вспомнить, то уж насочинять целый том.

– А вдруг не будут писать?

– Да и бог с ними, – подмигнул редактор. – Не сможешь придумать новый сюжет – я поручу кому-нибудь. Ты, главное, преподнеси ярко, художественно, как ты умеешь. У меня поручение райкома партии организовать такую колонку. Так сказать, мероприятие воспитательного характера.

Все было понятно, и ничего зазорного для себя Алик в такой работе не видел. Донести до ребят простую истину: «Ученье – свет, а не ученье – чуть свет и на работу». Это вполне укладывалось в его жизненные принципы.

– Согласен. Когда сдавать материал?

– До понедельника справишься?

Алик кивнул, махнул рукой на прощание и через секунду оказался перед секретаршей. Дама средних лет кокетливо улыбалась ему во весь накрашенный перламутровой помадой рот, и это вдруг вызвало у Алика приступ раздражения: «Что ж вы все так рады меня видеть?»

После дурацкой размолвки с Кирой он стал как-то нервно относиться к знакам внимания со стороны женщин. Казалось, все они мечтают соблазнить его – как Людка вчера. Может, это оттого, что Кира никак не шла из головы? Раньше такого не наблюдалось, он вспоминал о ней только когда становилось совсем уже нечего делать, а сейчас мысли о подруге возникали в любую свободную минуту.

На улице Алик посмотрел на часы, вспомнил про рубашку, которую надеялся стрелкнуть, прикинул путь до общаги, и понял, что не успевает – нужно ведь еще заскочить к Моне за цветами. Поймав отражение в стекле витрины, Алик одернул куртку и решил, что выглядит вполне в духе молодежной моды. А поскольку торжество отмечают на даче, то для пикника он одет прилично. «Какая разница, – поморщился Алик. – Мне с ними детей не крестить».

Цветы Мони не достал. То есть достал – но эти три замученные белые розы невозможно было преподнести на шестнадцатилетие, онигодились разве что для похорон. Зато Серега где-то раздобыл большую коробку украинских шоколадных конфет, явно тянущую на подарок, и не только для юной девушки. Огромная коробка ни в какую не хотела влезать в сумку, тогда Мони притащил газеты и быстро соорудил сверток.

– Сколько я тебе должен? – поинтересовался Алик.

– Нисколько, – буркнул Мони.

– Кончай дурить! – настаивал Кольцов.

– Да не гони ты. Розы Светке подарю, она же не дочка дипломата, а конфеты – считай, мой подарок.

– Мне уже давно не шестнадцать. И я не девочка, – начал злиться Алик.

– Если я скажу, что они мне на халяву достались, ты отстанешь?

Алик недоверчиво посмотрел на друга.

- Точно на халяву?!
- зуб даю, – поклялся Моня.
- Ладно, Серега, спасибо. Честно говоря, не знаю, что бы я без тебя делал.
- Кончай банальщину нести, – пафосно отрубил Сергей. – Вали, сейчас моя придет. Обещала еще котлет нажарить.
- Она, похоже, тебя на довольствие поставила... – иронично заметил Алик.
- Не, я сегодня сам фарш достал, в кулинарии на проспекте. Три кило!
- Три кило?! Круто! Телевизор кому-то чинил?
- Типа того, – отмахнулся Моня.
- На хрена так много?
- Светке долг верну. Остальное пусть жарит.

Чтобы добраться до дачного поселка Кольцову понадобилось меньше двух часов и он прибыл почти вовремя. Правда, пришлось потратиться на такси, но, с учетом халявных конфет, этот визит обошелся даже в меньшую сумму, чем он предполагал. Паника от неожиданного приглашения давно прошла, парень абсолютно успокоился, да и солидная коробочка дефицитного шоколада добавляла уверенности. Расплатившись с таксистом, Алик подошел к высоким деревянным воротам, хотел постучать, но заметил, что они не заперты, просто толкнул створку и она со скрипом подалась. Быстро содрал старую газету с коробки, Алик скомкал ее, сунул в сумку и шагнул внутрь.

Дача дипломата представляла собой зеленый двухэтажный деревянный дом с высоким крыльцом, упирившимся в просторную стеклянную террасу. Участок порос давно не кошенной травой и был окружен дощатым забором. В отличие от недавно покрашенного дома, забор выгорел на солнце и облупился, так что невозможно было определить его первоначальный цвет. Позади дома, протянув к нему мохнатые темно-зеленые лапы, выстроились огромные вековые ели. В нескольких шагах от крыльца дымил мангал, рядом сутились Артем и его отец. Воронцов, на правах гостя, вальяжно развалился в шезлонге, с бокалом белого вина в руке. Рядом на деревянном столике стояла початая бутылка вина, три пустых бокала, пепельница. При появлении у ворот Кольцова профессор приветственно поднял руку. Дипломат просто кивнул и продолжил нанизывать мясо на шампуры, а его сын быстро пошел навстречу другу.

– Привет, спасибо что приехал, – Артем радостно хлопнул гостя по плечу и потянул к мангалу.

– Добрый день, – поздоровался Алик.

Торопов-старший тщательно вытер махровым полотенцем руки и протянул ему правую.

– Здравствуй, Александр.

Валентин Викторович несколько секунд внимательно изучал его лицо, как будто видел впервые, и под этим взглядом Алик почувствовал себя неловко. Артем нетерпеливо наблюдал немую сцену, потом подхватил Алика под руку, увлекая в дом.

– Пойдем скорее. Маху поздравишь и по бокальчику сухонького дерябнем.

– Здравствуйте, Лев Николаевич, – на ходу крикнул Алик.

Они поднялись на крыльцо. Посередине террасы был накрыт роскошный стол на десять персон.

– Ты говорил, что чужих не будет, – буркнул Алик, пересчитав приборы.

Сейчас ему было все равно – как человеку, нырнувшему в холодную воду и вынужденному плыть, – просто он хотел выяснить состав приглашённых.

– Еще дед с бабулей подъедут. Все наши, не напрягайся, – успокоил Артем и вдруг заорал: – Маха! Выходи проздравля-я-яться!

По-видимому, он уже дерябнул не один «бокальчик сухонького» и начинал дурачиться. Однако вместо сестры из двустворчатой двери кухни выплыла супруга профессора. Она радостно улыбнулась Кольцову и проговорила приветливо:

– Здравствуй, Саша. Как твои дела?

– Добрый день, Елена Сергеевна. Спасибо, все просто великолепно.

Он не успел поинтересоваться делами жены профессора, поскольку заметил маму Артема и переключил внимание на нее. Эта женщина всегда вызывала у Алика восхищение и легкий внутренний трепет. Инне Игоревне было сорок пять, но выглядела она значительно моложе. С лицом модели и подтянутой спортивной фигурой, она напоминала актрис с обложек заграничных журналов, которые он иногда просматривал в квартире дипломата. Алик ни разу не видел Инну Игоревну в домашнем халате, растрепанной и без макияжа. Каждый раз создавалось впечатление, что она собралась на какой-нибудь светский раут и только на секунду заскочила домой. А еще его буквально завораживал мягкий, как будто затянутый в бархат и вместе тем глубокий голос Инны Игоревны. Он открыл было рот, чтобы поздороваться, но замер, так и не вымолвив ни слова, потому что из-за спины матери выпорхнула именинница. Алик никогда толком не обращал внимания на сестру друга, считая ее малолеткой, но сегодня неожиданно увидел юную, но уже вполне сформировавшуюся красотку. Подкрученные русые волосы волнами рассыпались по плечам, затянутым в черную водолазку. Глаза, голубые, как у брата, только в обрамлении слегка подкрашенных ресниц, смотрели с интересом и ожиданием. Артем заметил, какое впечатление произвела его сестра на Алика, и шутиливо ткнул его под ребро.

– Чё завис! Вручай!

Алик шагнул навстречу Маше. Она тоже двинулась к нему и с немного жеманной улыбкой протянула гостю руку. Он на секунду замешкался, не зная, принято ли целовать юным именинницам руку, и в конце концов просто легко пожал ее.

– Поздравляю с днем рождения! Удачи тебе во всем.

Он быстро вручил ей коробку с конфетами и перевел взгляд на маму именинницы.

– И вас поздравляю, Инна Игоревна. Здравствуйте.

Женщина благодарно склонила голову и слегка коснулась пальцами щеки молодого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.